

Поэт
Иосиф Бродский:
к 70-летию
со дня рождения

Амурская областная научная библиотека
им. Н.Н. Муравьева-Амурского

Информационно-библиографический отдел

**Поэт Иосиф Бродский:
к 70-летию со дня рождения**

Библиографический список

Благовещенск
2010 г.

Поэт Иосиф Бродский : библиогр. список / Амур. обл. науч. б-ка
им. Н.Н. Муравьева-Амурского ; сост. И.В. Трофимова. – Благовещенск,
2010. – 15 с.

Составитель: И.В. Трофимова
Редактор: Л.П. Кочнева
Ответственный за выпуск: Г.А. Базарная
Компьютерная верстка: И.А. Решетникова

В сознание современников И. Бродский вошел как «идеальный поэт».

С самого начала он был окружен толпой поклонников. Его стихи в «самиздате» завоевали сердца и умы интеллигенции 1960-х годов. Его поступки (плавал в ледяной воде зимнего Крыма), его характер (резкий, бескомпромиссный на ходу выдававший хлесткие эпиграммы), его облик (худой, веснучатый, рыжий) стали легендой. Сегодня Бродский единственный из русских поэтов, кого собратья по перу называют гением, сравнивая с самим Пушкиным. Литературные критики единодушны во мнении о том, что Бродский «завершает историю русской поэзии и делает это так, как если бы он был последним поэтом и по его стихам потомки судили бы о русской поэзии в целом». Великая А. Ахматова с самой первой встречи назвала его «грандиозным поэтом», а его стихи «волшебными».

© Амурская областная научная библиотека
им. Н.Н. Муравьева-Амурского

Иосиф Бродский родился в Ленинграде 24 мая 1940 года. Время рождения стало для поэта совсем не формальной датой, оно определяло его дальнейшее представление о мире как пространстве трагедии.

Первые месяцы блокады маленький Иосиф с матерью провели в осажденном городе, с трудом были эвакуированы. Война лишила поэта, как и миллионы других, идиллического детства. Она навсегда вошла в его память, и недаром самые пронзительные его стихи посвящены этому «непрожитому детству».

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет над мостами
в петроградском дыму
и апрельская морось,
под затылком снежок,
и услышу я голос:
- до свидания дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой,
- словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

После войны был полуголодный Ленинград, советская школа, из которой Бродский ушел после восьмого класса, попытался поступить в морское училище (не приняли из-за еврейского происхождения), работал на заводе, потом санитаром в морге, матросом-речником, коллектором в геологических экспедициях. Первые стихи датированы 1957 годом. Творческая эволюция Бродского была стремительной. Начав с наивно-романтических стихотворений, он за несколько лет достиг высочайшего уровня. Бродский энергично впитывал са-

мые разнообразные тенденции, существовавшие в русской и европейской поэзии, пытался имитировать стилистику, писал белый стих и верлибр, упорно пробиваясь к собственной интонации, к своему неповторимому поэтическому миру. Эта поэтическая широта и свобода определила жизненную установку поэта на свободу как необходимое решение высоких литературных задач. Идея движения, ухода от низкой суеты, стремление к бескомпромиссному максимализму во всем в высшей степени свойственна молодому поэту.

Затем, чтоб пустым разговорцем
развеять тоску и беду,
я странную жизнь стихотворца
прекрасно на свете веду.
Затем чтоб за криком прощальным
лицо возникало в окне,
чтоб думать с улыбкой печальной,
что выпадет, может быть, мне,
как в самом начале земного
движенья – с мечтой о творце –
такое же ясное слово
поставить в недальнем конце.

Хорошо знающие Бродского утверждали, что уже с юных лет он был «самым свободным человеком» даже среди людей далеко не рабской психологии. «Будь независимым. Независимость – лучшее качество», - писал он из ссылки. И эта редкая независимость воспринималась многими как вызов и бунтарство. Именно стиль свободного поведения в жизни и в творчестве вызвал непримиримость к поэту ленинградских властей. Бродский пошел на прямой конфликт с требованиями государства, и гонения властями поэта были прежде всего гонениями на его личность, а не на его стихи, которых они не знали.

Бродский – поэт свободный и ответственный, но свободу он понимает не как политическую или бытовую категорию, а как свободу во взаимоотношениях со всем окружающим, человеческую независимость, спокойствие и отстраненность. Освобождающее начало у поэта – это его переживание смерти, смертности, бренности бытия. Это ключевой мотив многих его стихов:

Смерть – не скелет кошмарный
С длинной косой в росе
Смерть – это тот кустарник,
в котором стоим мы все...

Смерть – это наши силы,
это наш труд и пот.
Смерть – это наши жилы,
наша душа и плоть.

Смертность, на которую человек не закрывает глаза, делает его свободным от множества вещей, в частности, от мелких притязаний, обид, отношений. Бродский размышляет о смерти как фундаментальном явлении бытия, осознает драматизм бытия. Неразрешимый конфликт Бродского с советской властью определялся этим различием установок мировосприятия. Советская идеология требовала безоглядного оптимизма – даже трагедия, как известно, должна быть оптимистической. В фельетоне «окололитературный трутень», с которого в ноябре 1963 года началась травля поэта, окончившаяся арестом и судом, в качестве одного из главных обвинений предъявлялось обилие стихов о смерти. Затем последовало заочное в психиатрическую больницу в 1964 году, суд и ссылка (1964–1965). Бродского обвинили во всех смертных грехах, объявили бездельником, проводящим время в ресторанах (где он, кстати сказать, не бывал по причине безденежья), предъявили ему претензии и политического характера.

Судили поэта как тунеядца и приговорили к пяти годам ссылки «с обязательным привлечением к физическому труду». На суде Бродский в свою защиту сказал: «Я работал. Я писал стихи». Его ответ на вопрос судьи: «Кто причислил вас к поэтам?» – «Я полагаю, что это от Бога», – цитировала вся мировая пресса.

Заступничество Ахматовой, Чуковского, Шостоковича и многих других авторитетнейших в культуре людей не возымело ни малейшего действия. Бродского отправили в глухую архангельскую деревню, там, в совхозе, он выполнял обязанности разнорабочего. Только когда международный скандал достиг апогея и к советскому руководству обратился французский писатель Жан-Поль Сартр, Верховный Суд пересмотрел дело Бродского, сократив срок ссылки до полутора лет.

В ссылке Бродский много и плодотворно работал. Среди архангельских болот и снегов поэт достиг высочайшей степени сосредоточенности на роковых проблемах бытия и творчества:

Мои слова, я думаю, умрут,
и время улыбнется, торжествуя,
сопроводив мой безотрадный труд
в соседнюю природу неживую.

Поэта долг – пытаться единить
Края разрыва меж душой и телом.
Талант – игла. И только голос – нить.
И только смерть всему шитью – пределом.

Как человек христианской культуры он исповедовал христианскую этику, этику стоицизма, терпения, жертвенности.

Сжимающий пайку изгнания
в обнимку с гремучим замком,
прибыв на места умиранья,
опять шевелю языком.
Сжигаемый кашлем надсадным,
все ниже склоняясь в ночи,
почти обжигаюсь. Тем самым
от смерти подобье свечи
собой закрываю упрямо,
как самой последней стеной.
И это великое пламя
колеблется вместе со мной.

Из ссылки Бродский привез свое знаменитое – «В деревне Бог живет не по углам».

В деревне Бог живет не по углам,
Как думают насмешники, а всюду.
Он освещает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне он в избытке. В чугуне
он варит по субботам чечевицу,
прилясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.
Он изгороди ставит. Выдает
девицу за лесничего. И, в шутку,
устраняет вечный недолет
объездчику, стреляющему в утку.
Возможность же все это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту.

Свойственная Бродскому ироничность, необычайная зоркость и внимание к деталям сочетаются с религиозно-философской тональностью поэзии.

Есть мистика, есть вера, есть Господь
Есть разница меж них. И есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть
Неверье – слепота, а чаще – свинство.

Вынужденные вернуть Бродского из архангельской глуши власти не знали, что с ним делать дальше. Он не изменился. Его установка на независимость только окрепла. Его стихи пользуются огромной популярностью, он приобрел мировую известность. Приезжавшие в Ленинград западные литературные знаменитости требовали, чтобы их познакомил с Бродским. Его пытались приручить – опубликовали несколько стихотворений, предложили издать книгу.

Но книга, им составленная, не устроила партийную цензуру. Отношения поэта и власти зашли в тупик.

Гражданин второсортный эпохи, гордо
признаю я товаром второго сорта
свои лучшие мысли, и дням грядущим
я дарю их как опыт борьбы с удушьем.
Я сижу в темноте. И она не хуже
в комнате, чем темнота снаружи.

11 мая 1972 года Бродского вызвали в ОВИР и в категорической форме предложили покинуть страну, пригрозив в случае отказа серьезными неприятностями. В арсенале КГБ было много «неформальных» способов давления и устранения, вплоть до «несчастных случаев». И сам Бродский уже устал от постоянных угроз, невозможности публиковаться, слежки...

В июне 1972 года Бродский уезжает в эмиграцию. Покидая СССР, он пишет письмо Брежневу «с просьбой позволить присутствовать в литературном процессе в своем отечестве». В США Бродский преподает в Мичиганском университете, становится популярным лектором, поражающим студентов нетривиальностью суждений. В США выходят его новые книги «Часть речи» и «Конец прекрасной эпохи». Покинутое отечество в сознании поэта превращается в империю заката цивилизации, в которой человек лишен всяческих опор:

Невозможность свиданья
Превращает страну
в вариант мирозданья,
хоть она в ширину,
завидуя к славе,
не уступит любой

залетейской державе;
превзойдет гольфьбой.

Там украшают флаг, обнявшись серп и молот
Но в стенку гвоздь не вбит и огород не полот.
Там, грубо говоря, великий план запорот.
Других примет там нет – загадок, тайн, диковин,
Пейзаж лишен примет и горизонт неровен.
Там в моде серый цвет – цвет времени и бревен.

Позиция стоицизма при четком фиксировании бессмысленности жизни является для поэта единственным самоопорой:

Я вырос в тех краях. Я говорил «закурим»
их лучшему певцу. Был содержимым тюрем.
Привык к свинцу небес и к айвазовским бурям.

Там, думал, и умру – от скуки, от испуга.
Когда не от руки, так на руках у друга.
Видать, не рассчитал. Как квадратуру круга.

Истинный опорой поэту становится слово, язык, творчество. Процесс творчества остается единственной возможностью преодоления хаоса, смерти, строки продлевают жизнь:

Сорвись все звезды с небосвода,
исчезни местность,
все ж не оставлена свобода,
чья дочь – словесность.
Она, пока есть в горле влага,
не без приюта.
Скрипи, перо. Черней, бумага.
Лети, минута.

Бродский говорит о своем понимании творчества, о служении поэзии:

Слушай, дружина, враги и братие!
Все, что творил я, творил не ради я славы
в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности.
За каковое реченье – жречество
(сказано ж доктору: сам пусть лечится)
чаши лишившись в пиру Отечества,
ныне стою в незнакомой местности.

Наряду с интенсивной работой на русском языке Бродский пишет на английском, в том числе и эссеистику, в которой формулирует свои эстетические принципы в области изящной словесности. В 1987 году И. Бродский становится самым молодым нобелевским лауреатом по литературе. Нобелевская премия не единственная высокая награда Бродского: ещё в 1981 году он оказался среди первых новых «гениев» - стипендиатов фонда MacArthur; в 1986 году его книга эссе «Меньше, чем единица» была присуждена премия Национального совета критиков США. В мае 1991 года, заняв пост поэта – лауреата США, Бродский закрепил свой исключительный статус первого поэта другой державы. Через несколько месяцев Бродский получает из рук французского генерального консула в Вашингтоне орден Почетного легиона, и, наконец, мантию и диплом доктора «гонорис кауза» в Оксфордском университете, став вторым русским поэтом после Ахматовой, удостоенным этой чести.

Самоубийственная напряженность духовной жизни поэта не ослабевает, болезнь не оставляет надежды на долголетие. В стихотворении к собственному сорокалетию Бродский признается с горькой искренностью:

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараче,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я впустил в свои сны вороненый значок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать о жизни? Что оказалось длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мой рот не забила глина,
Из него раздаваться будет лишь благодарность.

В 1994 году, мужественно относясь к неизбежному, Бродский написал стихотворение, которое можно считать самоэпитафией:

Меня упрекали во всем, кроме погоды,
и сам я грозил себе часто суровой мздой.
Но скоро, как говорят, я сниму погоны

И стану просто одной звездой.

Я буду мерцать в проводах лейтенантом неба
и прятаться в облака, слыша гром,
не видя, как войско под натиском ширпотреба
бежит, преследуемое пером.
И если за скорость света не ждешь спасибо,
то общего, может, небытия броня
ценит попытки её превращения в сито
и за отверстие поблагодарит меня.

В этих строках Бродского – сознание высоты своего призвания, миссии поэта в мире: свет ещё одной звезды, пробивающей броню небытия – заслуга и исполненный долг поэта.

Иосиф Бродский умер от сердечного приступа в ночь на 28 января 1996 года. За свою стремительную – «скорость света» – жизнь создал огромный поэтический мир. Бродский разбил замкнутость русской поэзии за счет «прививки» европейской лирики, придав ей совершенно новую музыкальность и образ мышления, изменив форму, язык и стиль. Он создал новый образ поэта, до Бродского неизвестный русской поэзии: не герой собственной драмы, а человек словесности, рыцарь поэзии, все жизненные перипетии для которого лишь материал для творчества.

Что, в сущности, и есть автопортрет.
Шаг в сторону от собственного тела,
повернутый к вам в профиль табурет,
вид издали на жизнь, что пролетела.
Вот это и зовется «мастерство».
Способность не страшится процедуры
небытия – как формы своего
отсутствия, списав его с натуры.

Произведения Иосифа Бродского

- Бог сохраняет все: стихи. – М.: Миф, 1992. – 302 с.
Рождественские стихи. – М.: Независимая газ., 1992. – 60 с.
Набережная неисцелимых: эссе. – М.: Слово, 1992. – 253 с.
Рождественские стихи. – М.: Независимая газ., 1992. – 60 с.
Стихотворения. – Таллин: Александра, 1991. – 256 с.
Стихотворения. Поэмы. – М.: Слово, 2001. – 720 с.
Часть речи: избр. стихи, 1962–1989. – М.: Худож. лит., 1990. – 526 с.
Большая элегия: Джону Донну: стихи // Иностран. лит. – 1988. – № 9. – С. 182–185.
В горах: стихи // Нева. – 1990. – № 4. – С. 45–48.
Воздух с моря: стихи // Новый мир. – 1994. – № 5. – С. 100–112.
Демократия: пьеса // Звезда. – 2001. – № 5. – С. 43–81.
Из последних стихов // Звезда. – 1996. – № 3. – С. 3.
Из разных книг: стихи // Знамя. – 1989. – № 4. – С. 3–12.
Из трагедии Эврипида «Медея»: перевод // Звезда. – 1995. – № 12. – С. 75–77.
Коллекционный экземпляр: заметки писателя // Звезда. – 1995. – № 4. – С. 3–23.
Крики дублинских чаек: стихи // Новый мир. – 1996. – № 5. – С. 67–76.
Меньше единицы: эссе // Иностран. лит. – 1992. – № 10. – С. 234–242.
Метаморфозы: из переводов // Лит. обозрение. – 1996. – № 3. – С. 3–10.
Набережная неизлечимых: стихи // Октябрь. – 1992. – № 4. – С. 179–205.
Назидание: стихи // Знамя. – 1990. – № 6. – С. 64–65.
Ниоткуда с любовью: стихи // Новый мир. – 1987. – № 12. – С. 160–168.
О тирании: эссе // Искусство кино. – 1990. – № 7. – С. 6–10.
Памяти Марка Аврелия: эссе // Иностран. лит. – 1995. – № 7. – С. 254–267.
Памяти Стивена Спендера: эссе // Знамя. – 1998. – № 12. – С. 135–146.
Портрет трагедии: стихи // Звезда. – 1991. – № 9. – С. 3–4.
Похвала скуке: эссе // Знамя. – 1996. – № 4. – С. 15–18.
Примечания папоротника: стихи // Звезда. – 1990. – № 2. – С. 29–34.
Рождественская звезда: стихи // Аврора. – 1989. – № 6. – С. 51–54.
Романс принца Гамлета: из поэмы – мистерии «Шествие» // Театр.

жизнь. – 1996. – № 9. – С. 17.

- Скорбь и разум: из кн. эссе // Иностран. лит. – 1997. – № 10. – С. 169–202.
Стихи разных лет // Дружба народов. – 1988. – № 8. – С. 175–186.
Столетняя война: стихи // Звезда. – 1999. – № 1. – С. 127–144.
Трофейное: эссе // Иностран. лит. – 1996. – № 1. – С. 237–244.
«Я входил вместо дикого зверя в клетку...»: стихи // Нева. – 1988. – № 3. – С. 16–18.
Я обнял эти плечи: стихи // Юность. – 1988. – № 8. – С. 66–68.

Литература о творчестве

- Вайль, П. В поисках Бродского / П. Вайль // Рос. газ. – 2008. – 7 янв. – С. 1, 9.
Белый, А. Об Иосифе Бродском / А. Белый // Нева. – 2007. – № 5. – С. 190–209.
Романова, И. Послания И. Бродского / И. Романова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2007. – № 4. – С. 77–93.
Лосев, Л. Иосиф Бродский: опыт лит. биогра. / Л. Лосев // Звезда. – 2006. – № 8. – С. 172–207.
Романова, И. Диалог лирического героя И. Бродского с Богом / И. Романова // Филол. науки. – 2006. – № 5. – С. 13–21.
Глазунова, О. Мотивы оледенения и конца жизненного пути в поэзии И. Бродского 80-х годов 80-х годов / О. Глазунова // Рус. лит. – 2005. – № 1. – С. 241–253.
Хубер, П. Иосиф Бродский / П. Хубер // Вопр. философии. – 2003. – № 7. – С. 56–66.
Ранчин, А. «Бог сохраняет все, особенно слова...» аллюзия в поэзии И. Бродского / А. Ранчин // Рус. речь. – 2003. – № 4. – С. 25–30.
Ранчин, А. Романтизм и эсхатология в творчестве И. Бродского раннего периода / А. Ранчин // Рус. лит. – 2003. – № 1. – С. 220–239.
Колобаева, Л. Связь времен: Иосиф Бродский и Серебряный век русской литературы / Л. Колобаева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2002. – № 6. – С. 20–39.
Солнцева, А. Иосиф Бродский и Поэтический интернационал / А. Солнцева // Звезда. – 2002. – № 5. – С. 219–226.
Ранчин, А. Три заметки о полисемии в поэзии Иосифа Бродского / А. Ранчин // Новое лит. обозрение. – 2002. – № 4. – С. 199–203.
Коржавин, Н. Генезис «стиля опережающей гениальности», или Миф о великом Бродском / Н. Коржавин // Континент. – 2002. – № 3. –

С. 329–364.

Рубашкин, А. О творчестве И. Бродского / А. Рубашкин // Звезда. – 2001. – № 5. – С. 215–216.

Лурье, С. Бог и Бродский / С. Лурье // Нева. – 2001. – № 1. – С. 179–187.

К 60-летию Иосифа Бродского // Звезда. – 2000. – № 5. – Спец. вып.

Седакова, О. О творчестве И. Бродского / О. Седакова // Новое лит. обозрение. – 2000. – № 5. – С. 232–236.

Чуковская, Л. Дело И. Бродского / Л. Чуковская // Знамя. – 1999. – № 7. – С. 140–160.

Шайтанов, И. Управление с двумя неизвестными: поэт И. Бродский / И. Шайтанов // Вопр. лит. – 1998. – № 6. – С. 3–39.

Панн, Л. Горячее зеркало: о сб. «Новые стансы» / Л. Панн // Звезда. – 1998. – № 5. – С. 207–216.

Сергеев, А. О Бродском / А. Сергеев // Знамя. – 1997. – № 4. – С. 139–158.

Иосиф Бродский: неизданное в России / Звезда. – 1997. – № 1. – спец. вып.

Петрушанская, Е. «Слово из звука и слово из духа...» / Е. Петрушанская // Звезда. – 1997. – № 1. – С. 217–229.

Степанова, Л. Иосиф Бродский / Л. Степанова // Звезда. – 1997. – № 1. – С. 148–150.

Иосиф Бродский: труды и дни // Знамя. – 1996. – № 4. – Спец. вып.

Виниянкина, Е. Пространство и время в лирике И. Бродского / Е. Виниянкина // Лит. обозрение. – 1996. – № 3. – С. 35–41.

Куля, В. Иосиф Бродский / Э. Куля // Лит. обозрение. – 1996. – № 3. – С. 53–56.

Лурье, С. Правда отчаяния / С. Лурье // Нева. – 1996. – № 3. – С. 186–192.

Памяти Иосифа Бродского / Лит. обозрение. – 1996. – № 3. – Спец. вып.

Полухина, В. Миф поэта и поэт мифа: о личности и поэзии И. Бродского // Лит. обозрение. – 1996. – № 3. – С. 42–48.

Седакова, О. Кончина Бродского / О. Седакова // Лит. обозрение. – 1996. – № 3. – С. 11–15.

Уолкотит, Д. Беспощадный судья И. Бродский / Д. Уолкотит // Лит. обозрение. – 1996. – № 3. – С. 16–22.

Парамонов, Б. Флотоводец Бродский, певец империи... / Б. Пара-

монов // Звезда. – 1995. – № 5. – С. 134–140.

Бек, Т. Время – язык – судьба / Т. Бек // Вопр. лит. – 1994. – № 3. – С. 343–349.

Рейн, Е. Иосиф Бродский / Е. Рейн // Вопр. лит. – 1994. – № 2. – С. 186–196.

Славянский, Н. Из страны рабства – в пустыню / Н. Славянский // Новый мир. – 1993. – № 12. – С. 236–243.

Ранчин, А. Философская традиция в поэзии Бродского / А. Ранчин // Лит. обозрение. – 1993. – № 3/4. – С. 3–13.

Расторгуев, А. Интуиция абсолютно в поэзии И. Бродского / А. Расторгуев // Звезда. – 1993. – № 1. – С. 173–183.

Полунина, В. Поэтический автопортрет И. Бродского / В. Полунина // Звезда. – 1992. – № 5/6. – С. 186–192.

Найман, А. Об И. Бродском / А. Найман // Октябрь. – 1990. – № 12. – С. 193–198.

Вайль, П. В окрестностях Бродского / П. Вайль // Лит. обозрение. – 1990. – № 8. – С. 23–28.

Лурье, С. Свобода последнего слова / С. Лурье // Звезда. – 1990. – № 8. – С. 142–146.

Гордин, Я. Дело Бродского / Я. Гордин // Нева. – 1989. – № 2. – С. 134–166.

Якимчук, Н. «Я работал – я писал стихи»: дело И. Бродского / Н. Якимчук // Юность. – 1989. – № 2. – С. 80–87.

Ерофеев, В. «Поэта далеко заводит речь...» / В. Ерофеев // Иностран. лит. – 1988. – № 9. – С. 226–231.

Шайтанов, И. Предисловие к знакомству / И. Шайтанов // Лит. обозрение. – 1988. – № 8. – С. 55–62.

Винокурова, И. «Замечательный лирик Н...» поэт И. Бродский / И. Винокурова // Октябрь. – 1988. – № 7. – С. 203–207.

Кушнер, А. Стихи И. Бродского / А. Кушнер // Нева. – 1988. – № 3. – С. 109–110.

**Амурская областная научная библиотека
им. Н. Н. Муравьева-Амурского**

Тел/факс: (4162) 37-28-18

**E-mail: aonb@tsl.ru
www.lib.amur.ru**